

На правах рукописи

Коваль Каролина Сергеевна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК ОБРАЗОВАННЫХ
ГОРОЖАНОК МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.**

Специальность: 5.6.4. – этнология, антропология и этнография
(исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2026

Работа выполнена в Центре гендерных исследований ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Научный руководитель: Наталья Львовна Пушкарева – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Заслуженный деятель науки РФ.

Официальные оппоненты:

Мухина Динара Зиевна, доктор исторических наук, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», профессор.

Мутиева Оксана Саидовна, доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», доцент.

Ведущая организация: ФГБОУ ВО Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (исторический факультет, кафедра этнологии).

Защита состоится 22.09.2026 г. на заседании диссертационного совета Д 002.117.XX (24.1.194.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук, ученой степени доктора исторических наук, созданного на базе ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32 А, корпус «В», 18 этаж, Малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН: www.iea-ras.ru

Автореферат

разослан

(дата)

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат исторических наук _____ О.Б. Наумова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы определена её научно-практической значимостью для гуманитарных наук, изучающих изменения в аксиосфере людей прошлого, связанных с очевидными и стремительными переменами в общественных реалиях. В кризисные, переходные исторические периоды ценности могут становиться катализаторами перемен и в жизни общественных групп, и отдельных людей, меняя устремления личности - ментальные, духовные, материальные.

Одной из крупных и значимых социальных общностей, чьи ценности и представления мало изучены историко-культурной антропологией, были образованные жительницы крупных российских городов – двух столиц – старой (Москвы) и новой (С.-Петербурга), что обусловлено их прежней и современной ролью «локомотивов» социальных изменений (выше концентрация ресурсов, возможностей и культурного разнообразия). При том, что именно столицы всегда задавали тренды, которые позже распространялись на другие регионы, формируя новую социальную среду и ее менталитет, мало, кто из аналитиков пытался найти корреляцию между значительными переменами в общественно-политической, экономической, культурной жизни страны во второй половине XIX – начале XX в. и жизненными ценностями российских горожанок. Поиски корреляций и связей в этой области российского прошлого актуализируют тему поиска современного нравственного стержня в воспитании, соотношения обязательств и индивидуальных желаний, давая возможность искать ответы на актуальные проблемы сегодняшнего дня в опыте прошлого.

Изучение динамики ценностных установок образованных горожанок Москвы и С.-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. необходимо и для нового понимания социокультурной истории пола, в том числе - и истории, увиденной глазами женщин как её субъектов. Такая постановка проблемы может приблизить к ответу на вопрос о путях и способах, о возможностях и пределах сочетания женщинами (деятельность которых столетиями была ограничена частной сферой) семейных и внесемейных (внедомашних, профессиональных) ролей без попыток сломать и заместить практики ушедших столетий, но, напротив, учитывая и умножая социокультурный багаж, накопленный поколениями.

Объект диссертационного исследования – образованная часть горожанок дворянского и разночинного происхождения Москвы и С.-Петербурга во второй половине XIX - начале XX в.

Предмет исследования – ценностные установки, представления и ориентации этих образованных москвичек и петербурженек, с особым вниманием к теме семьи, семейных отношений, ответственности и значимости этой темы для женщин.

Хронологические границы охватывают период с начала 1860-х гг. по 1917 г. Выбор нижней хронологической границы обоснован проведением множества либеральных реформ, начатых отменой крепостного права. Эти реформы вызвали численный рост образованных женщин, активизировали их деятельность в общественной сфере, ускорили оформление в России женского движения, создание женских союзов, ставших позже основой первых женских партий. В обоих городах образованные женщины стали заметнее как социальная группа, стремившаяся не только к получению домашнего образования, но и к активной деятельности в публичной сфере.

Верхняя граница связана с системными переменами в российском обществе, последовавшими за революционными событиями начала XX в.

Территориальные рамки исследования – включают социокультурное пространство Москвы и С.-Петербурга во второй половине XIX - начале XX в. Основное внимание к эволюции ценностных установок, образованных жительниц старой и новой столиц обусловлено тем, что их трансформация происходила более динамично и заметно (как и во всех больших урбанистических образованиях). В провинциальных городках практически не было женских объединений, союзов и групп, меньшим числом и редко выписывались журналы, а пресса в основном освещала жизнь столиц. Любые новации там приживались не сразу, а сами перемены происходили медленнее, тормозимые традиционным патриархальным укладом.

Степень разработанности проблемы. Середина XIX века была переломным периодом в истории русской культуры и общественной мысли, временем бурной либерализации общественной жизни России, сопровождавшей буржуазные реформы 1860–1870-х гг. К этому времени относятся первые попытки найти решение *женского вопроса*, поставленного уже в начальные десятилетия XIX века. Радикальная дворянско-буржуазная интеллигенция интенсивно обсуждала проблемы женской эмансипации¹ в связи с ростом социально-экономической и политической активности российских женщин. Именно поэтому современники изучаемых событий, высказывавшие свои оценки и понимание значимости семейно-брачных отношений, формулировавшие своё видение образа идеальной супруги и при этом анализировавшие мнения других авторов, могли бы быть названы и первыми историографами выбранной нами темы. К 1860-1870-м гг. относится появление первых научных публикаций, авторы которых изучали женскую историю, центрируя внимание на изучении правового положения российских женщин (и незамужних девушек в том числе) в семье². По

¹ Пушкарёва Н.Л. Дерзкие и беспокойные (у истоков феминизма в России) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 66

² Соколовский Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа // Женский вестник. 1867. № 9. С.57-83; Савельев А.А. Очерк личных и имущественных отношений между супругами по русским законам и обычному праву // Юридический вестник. 1878. № 12; 1879. №7; Алексеев К. Об отношении супругов по имуществу в России и Польше. М., 1868 и др.

работам современников героинь данного исследования – образованных российских горожанок, проживавших в Москве и С.-Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. – можно составить некий обобщенный образ идеальной семьи и охарактеризовать, как виделись образцовые семейные отношения авторам того времени (см. Главу 1, § 3).

Однако воплощению этих идеальных представлений в жизнь помешали бурные события 1910-х гг. и последовавшая за ними революция. Она означала утверждение марксистской методологии в исторической науке и начало нового периода в российской историографии. Советские историки сконцентрировали своё внимание на истории классовой борьбы, а не на истории женского быта. По сравнению с прежним периодом они вообще уделяли мало внимания проблемам женской истории, полагая, что женский вопрос решен в России еще в 1930-е годы в результате «завоеваний Октября». История дворянского и буржуазного быта оказалась за рамками востребованных и приоритетных исследовательских тем, о социально-психологической мотивации поведения женщин и о них как трансляторах традиционных семейных ценностей вряд ли кто мог написать в позитивном ключе. Дореволюционный традиционный быт рабочих и крестьян тоже мало, кого поначалу интересовал.

Лишь немногие из историков довоенных лет и первого послевоенного десятилетия – то есть до середины 1950 гг. – обращались к исследованию семейно-брачных отношений в дореволюционное время. Вот почему стоит выделить книгу В.А. Пыпиной, посвящённую истории брака Н.Г. и О.С. Чернышевских, в которой автор размышляла об особенностях социальных притяжений мужчин и женщин на основе новой тогда (в середине XIX в.), формировавшейся семейно-ценностной системы. Изучению духовно-ценностного мира шестидесятников и шестидесятниц XIX в. посвящена была также работа Т.А. Богданович. На примере биографий Н.Г. Чернышевского, Н.В. Шелгунова, И.М. Сеченова и П.И. Бокова, а также любимых ими женщин автор выявила влияние новых идей на «решение вопросов личной жизни и личной морали революционным поколением шестидесятых годов»³.

Но действительно явный взлет интереса к изучению особенностей женского быта и женских личностей можно отметить в литературе 1960-х гг.⁴ Тогда увидели свет и первые биографические исследования женских судеб⁵.

Рождение в те же 1960-е годы советской социологии позволило появиться первым серьезным исследованиям по исторической демографии. На основе статистического материала авторы выявили модели поведения,

³ Богданович Т.А. Любовь людей шестидесятых годов. Л.: «Academia», 1929. с.XIV.

⁴ Ветров И.С. русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М., 1964; Никитина Т.Б. Женщины в русском освободительном движении 60-70-х гг. XIX века. Дисс... канд.ист.наук. Ростов-на-Дону, 1971 и др.

⁵ Смирнов А.А. Первая русская женщина-врач. М.: Медгиз, 1960; Бреслав Е.И. Александра Михайловна Коллонтай. М.: Мысль, 1974; Конюшев В. Такое голубое небо. Повесть о Надежде Крупской. М.: «Политиздат», 1973 и др.

связанные с брачностью и рождаемостью, впервые была высказана идея о связанности отхода от традиционной системы брачных ценностей, регулировавших демографическое поведение людей, именно в начале XX века и именно в крупных промышленных городах⁶. При всей значимости труда социологов, они не ставили целью проанализировать именно женскую систему ценностей, не учитывали социальную и религиозную принадлежность изучаемых, уровень грамотности и образованности разных социальных групп. Будто ответом на это упущение стал выход в свет монографии Э.П. Федосовой⁷, буквально открывшей для советского читателя значимость изучения истории женского образования в России.

Конец 1970-х – начало 1980-х гг. были временем, когда – спустя почти век пристального внимания этнографов прежде всего к изучению сельского быта и сельской культуры (поскольку Россия веками была страной крестьянской) – в центре исследовательского внимания оказался дореволюционный быт горожан. В работе Л.А.Анохиной и М.Н. Шмелевой⁸ был представлен яркий этнографический материал по истории городского населения. Авторы проследили влияние городской жизни на быт (в течение целого столетия), выявили важнейшие факторы влияния и показали качественные различия в образе жизни городских жителей прошлого.

Проблемы заключения брака и свадьбы в её историческом развитии нашли также отражение в монографии Г.В. Жирновой⁹. Впервые в российской историографии того времени были предприняты попытки осветить исторические процессы с использованием методов социальной психологии, показать сквозь их призму традиционные сословные и семейные ценности, а также бытовые традиции дворян¹⁰.

Действительным прорывом в кристаллизации направления женской истории России и антропологии женской повседневности стали в 1980-е гг. первые публикации Н.Л. Пушкаревой¹¹. Ей по праву принадлежит слава первооткрывательницы «женской темы» во всех аспектах отечественной истории в российской историографии. Проблема отношения женщин к своим семейным обязанностям, значимости для них семейных ценностей впервые была поднята именно в этих ранних работах исследовательницы, написанных на древнерусском материале (X-XV вв.). О том, что такой ракурс

⁶ Вишневский А.Г. отв. ред. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 105-135.

⁷ Федосова Э.П. Бестужевские курсы - первый женский университет в России (1878-1918). М., 1980.

⁸ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М.: Наука, 1977.

⁹ Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980. 148 с.

¹⁰ Мокряк Е.И. Дневники и мемуары как источник для изучения социальной психологии дворянства России второй половины XIX - начала XX в.: Автореф. дисс.... к.и.н. М., 1977.

¹¹ Пушкарева Н.Л. Женщина в средневековом Новгороде XI-XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. N 3. С. 78–89; Пушкарева Н.Л. Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X-XV вв. // Советское государство и право. 1985. N 4. С. 121–126

исследования эвристически ценен, писали в те годы медиевист А.Я. Гуревич, социальный антрополог И.С. Кон¹², который прямо призывал к историко-антропологическому изучению родительских чувств, ролей и поведения»¹³, а Н.Л. Пушкарева первой в отечественной науке не только реализовала этот призыв, но и пробудила интерес к историко-антропологическому изучению женского в русской культуре, наметила основные подходы к антропологическому исследованию женского семейного и внесемейного быта¹⁴.

Однако отклик на возникновение, по сути, нового направления стал очевиден в российской историографии далеко не сразу. В силу ограниченности методологического подхода советской исторической науки, не считавшей важным изучение женских жизненных ценностей и жизненных миров женщин разных социальных статусов в прошлом, проблема семейного быта и аксиосферы образованных женщин во второй половине XIX - начале XX в. мало, кого не привлекала. Истории изменений женского быта у различных классов и сословий России практически никто не уделял внимания, пока отечественные исторические науки не начали, без прежней оглядки, интегрироваться с наукой европейской, а этот процесс относится к концу 1990-х гг.

Коллеги, создававшие вместе с Н.Л. Пушкаревой новое периодическое издание – журнал «Женщина в российском обществе» (выходит с 1996 г.) – основное внимание уделяли, однако, не истории быта, а социально-политическим аспектам женской истории. Крупнейшим специалистом в этой области показала себя О.А. Хасбулатова¹⁵. Без ее работ сложно было бы представить «господствующую систему ценностей и воззрений на место и роль женщины в обществе»; исследовательница назвала ту систему «интеллектуальным орудием оправдания существующего социального порядка»¹⁶. Подстать работам О.А. Хасбулатовой, весьма далеким от описания женского быта, можно назвать книги и статьи того времени, написанные С.Г. Айвазовой. В своей монографии «Русские женщины в лабиринте равноправия»¹⁷ она размышляла о том, как понималось за век до

¹² Гуревич А.Я. Этнология и история в современной французской медиевистике // Советская этнография. 1984. № 5. С. 36–47; Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. № 6. С. 31–38;

¹³ Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. № 6. С. 34.

¹⁴ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Наука, 1989

¹⁵ Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917). Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994; Хасбулатова О. А. Социально-исторический опыт и традиции женского движения в России. Дис. д-ра ист. наук. М., 1995.

¹⁶ Хасбулатова О.А. Эволюция российской государственной политики в отношении женщин. Обзор исторического опыта // Интеграция женщин в процесс исторического развития. М., 1994; Хасбулатова О.А. Эволюция российской государственной политики в отношении женщин // Гендерная реконструкция политических систем / Ред. сост. Е.В. Кочкина. СПб.: ИСПГ-Алетей, 2003. С.330.

¹⁷ Айвазова, Светлана Григорьевна. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки полит. теории и истории. Докум. материалы. М.: РИК Русанова, 1998.

современности предназначение женщины, какой в начале XX века была «борьба за счастье обоих полов»¹⁸. Помимо книг и статей перечисленных ведущих авторов, без которых не сложилось бы направление женской истории России, историография 1990-х гг. представлена и множеством статей и иных публикаций, которые помогли возникнуть особому научному сообществу, изучавшему различные аспекты исторической антропологии женского.

Особым направлением в изучении исторической антропологии социальных слоев стало в 1990-е годы исследование новой социальной истории российской семьи¹⁹, её традиционных основ, тесно увязанных с историей православия²⁰. Тогда же из тишины умолчаний всплыла тема истории интимных отношений²¹, в том числе благодаря исследованиям в этой области, академика РАО и главного научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН И.С. Кона²². С позиций междисциплинарности этот автор и его последователи анализировали эволюцию ценностных установок в отношении телесности, показывали их роль и влияние на поведение людей разного пола в различные этапы истории²³.

Рубеж веков стал новым этапом в изучении аксиосферы образованных россиянок в начале XX века. Публикации начала 2000-х гг. продвинули изучение темы семейных ценностей в женской повседневности, особый вклад в нее вносили уже представительницы научной школы, созданной Н.Л.Пушкаревой. Среди них особо выделяются книга и статьи А.В. Беловой²⁴ - автора уточненной концепции понятия *женской повседневности*. В те же годы петербургский социолог И.И. Юкина поставила вопрос о возможном влиянии социальной активности образованных россиянок на ход исторических событий, о необходимости пересмотреть иерархию «важного» и «неважного» в истории²⁵. Она не ставила задачей изучение семейных ценностей «равноправов», в то время как московский историк Н.А. Араловец в своем историко-демографическом исследовании как раз считала важным перечислить изменения в ценностных установках всех горожан на брак и

¹⁸ Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998 и др.

¹⁹ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. М., 1999; Кавашкина О.Д. Семейное воспитание в России (развитие идей от Древней Руси до начала XX в.)// Семья в России. 1994. № 12 и др.

²⁰ Арсеньев Н. Духовные традиции русской семейной культуры//Московский журнал. 1993. № 12.

²¹ Пушкарева Н.Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 55–70

²² Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997.

²³ Кузнецова Л.В. Тенденции сексуального поведения городского населения России на рубеже XIX–XX веков. Дисс. канд. соц. наук. СПб., 1999; Жеребкина И.А. Страсть: женское тело и женская сексуальность в России // Гендерные исследования / ХЦГИ. Харьков. 1998. № 1. С. 155–209;

²⁴ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97

²⁵ Юкина И. История женщин в России. Женское движение и феминизм в 1850-1920-е гг. Материалы к библиографии. СПб., 2005.

семь²⁶. Но в последующие годы в историко-демографических исследованиях городской повседневности тема ценностного мира индивидов, а тем более выделения в исследованиях социально-половой составляющей, так и не получила должного освещения.

С начала 2000-х годов и впоследствии большое значение в реконструкции истории женского быта и антропологии женской повседневности получила антропология материнства. На важность этого аспекта было указано ещё в конце 1990-х г.²⁷; тогда же в историографии появились первые обзоры существующих подходов и методов в освещении этой темы в зарубежной историографии²⁸. С начала 2000-х гг. число исследований по истории русского материнства стало стремительно расти²⁹, самые заметные труды по этой теме были созданы еще одной представительницей научной школы Н.Л.Пушкарёвой – смоленским историком Н.А. Мицюк³⁰, которая остается в этой теме самым признанным специалистом. Н.А.Мицюк первой изучила вопрос о соотношении идеального и реального в деле материнского воспитания, размышляла о последствиях «революции» в женском сексуальном просвещении и поведении в начале XX в.

Отдельное направление в отечественной историографии 2000-х гг. сформировали публикации повседневноведов. Так, Н.Б. Лебина проследила влияние факторов, связанных с интимным поведением, на культуру представителей петербургской богемы, эротизацию ее досуга³¹. Безусловен

²⁶ Араловец Н.А. Городская семья в России, 1897 -1926 гг. историко-демографический аспект. М.: ИРИ РАН, 2003.

²⁷ Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 72-79; Пушкарёва Н.Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII – начала XIX в. // Расы и народы / Ред. И.В. Власова. М., 1998. С. 104-136; Пушкарёва Н.Л. Мать и материнство на Руси X–XVII вв. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 311-347 и др.

²⁸ Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47-59; Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9-24.

²⁹ Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в начале XX века // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2011. № 6. С. 37-50; Иванова Т.М. Проблема воспитания будущей матери в конце XIX –начале XX века // XIII Международная научно-практическая конференция «Психология и педагогика в XXI веке.. М., 2015. № 5 (13). С. 10–12; Иванова Т.М. Реализация аксиологических идей воспитания будущей матери в педагогической практике России // Грани познания. 2015. № 8 (42). URL: www.grani.vspu.ru и др.

³⁰ Мицюк Н.А. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. Том 13. № 1. С. 21–32; Мицюк Н.А. Материнство у дворянок центральной России во второй половине XIX – начале XX в. Дисс... док. ист. наук. М., 2016; Мицюк Н. А. Новое родительство и материальная культура раннего детства в городских семьях начала XX века // Домашняя повседневность населения России. Т. 2. - СПб.: ЛГУ, 2022. - С. 46-51 и др.

³¹ Лебина Н. Сексуальная коммерция на фоне повседневности декаданса: петербургский феномен рубежа XIX–XX веков // Теория моды: одежда, тело, культура. 2018. № 47. С.275-292 с.275.

вклад и В.А. Верemenко³², проанализировавшей несовпадение официально декларируемых практик воспитания с неофициальными в вопросах полового воспитания. Ту же тему блестяще раскрыли в своей книге «Сметая запреты» (2021 г.) Н.Л. Пушкарёва, А.В. Белова и Н.А. Мицюк, сделав вывод о низкой сексуальной культуре дворянок в XIX в. как следствии табуирования элементарных знаний о беременности и родах. Изменения в сексуальной культуре русских образованных женщин авторы увязывали с социальными и политическими изменениями начала XX века (десакрализацией полового вопроса, широким распространением специальной медицинской литературы, «падением запретов в условиях бурно менявшегося общественного уклада»³³).

В новейших исследованиях темы особо отметим рождение еще одного аспекта историко-антропологических исследований пола – реконструкции быта женских творческих личностей, художниц, скульпторов, изучения сложностей на пути женской самореализации в этой области³⁴. Но, как и во множестве выше рассмотренных изданий, никто из исследовательниц не поставил тему семейных ценностей как духовно-нравственного оселка в аксиосфере образованных россиянок в центр своей научной аналитики.

В зарубежной историографии интерес к изучению женской истории в пореформенной России проявился примерно полвека назад. Начало обращения к теме можно датировать серединой 1970-х гг., когда по инициативе Д. Рэнсела была организована конференция, посвященная проблемам социальной истории России - трансформации институтов семьи, материнства, родительства, детства³⁵. Два года спустя по результатам конференции был опубликован научный сборник – «Семья в императорской России: новые направления исторических исследований»³⁶. Д.Рэнсел был первым, кто собрал факты о семейных отношениях и воспитании детей в русских дворянских семьях³⁷. Этот сюжет, ставший с того времени основной темой исследований его соотечественницы Дж. Товров (в том сборнике есть ее статья о характере взаимоотношений матерей и дочерей в дворянских

³² Верemenко В. А., Жукова А. Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России вт. пол. XIX – нач. XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020.

³³ Пушкарёва Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты. Очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М.: НЛО, 2021. С. 189, 196.

³⁴ Авраменко О., Леонова Г. Её жизнь в искусстве: образование, карьера и семья художницы конца XIX - начала XX века. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023.

³⁵ Hellie R. The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research by David L. Ransel // The Journal of Modern History. 1980. Vol. 52. №. 3. P. 565-568.

³⁶ The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research // ed. Ransel D. Urbana: University of Illinois Press. 1978 .

³⁷ Ransel D. Abandonment and Fosterage of Unwanted Children: The Women of the Foundling System // Ransel D., ed. Family in Imperial Russia. Urbana: Uni of Illinois Press, 1978. P. 189-217; Рэнсел Д. Культура деторождения у белорусских, еврейских и татарских женщин на территории Беларуси конца XIX – начала XX века // Женщины на краю Европы / Под ред. Е. Гаповой. Минск: ЕГУ, 2003. С. 74-89.

семьях³⁸), позволил американским историкам «открыть» тему динамики семейного статуса женщин в России, по сути, просто обратившись к публикациям вековой давности – российской публицистике XIX в. На ней по большей мере построен и известный труд Р. Стайтса «Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930 годы»³⁹, изданный в 1978 г. и много позже переведенный уже в постсоветской России на русский язык. Он верно уловил факт влияния индустриализации и урбанизации на эмансипацию бытового уклада от старых устоев.

Безусловен вклад в изучение темы семейных ценностей образованных россиянок профессора университета Колорадо Б. Энгель. В ее известном труде «Матери и дочери. Интеллигентки России девятнадцатого века» («*Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth-century Russia*»)⁴⁰ она постаралась понять причины противостояния россиянок разных поколений друг другу, проследить превращение частных историй - в политические⁴¹.

Таким образом, история изучения вопросов, связанных с проблемой отношения россиянок (и именно городских жительниц) к традиционным и новым семейным ценностям в структурах их повседневности конца XIX-го – начала XX-го вв., может быть разделена на три периода, совпадающие с этапами развития отечественной историографии: дореволюционный; советский; постсоветский. Многие аспекты избранной нами для исследования темы были, казалось бы, затронуты, но ни один не стал предметом скрупулезного научного разбора. Несмотря на многочисленность научных трудов, посвященных различным аспектам женской истории конца XIX - начала XX в., мировой историографии так и не была поставлена задача создать комплексное междисциплинарное исследование по исторической антропологии русской городской семьи образованного сословия, нет научных трудов, проблематизирующих вопрос о месте семейных ценностей в структурах повседневности образованных столичных горожанок столетней давности.

Цель настоящего диссертационного исследования – выявить трансформацию ценностных представлений, бытовавших в повседневной жизни образованных столичных горожанок второй половины XIX – начала XX в., выявить степень их влияния на выбор способа организации их жизнедеятельности, чтобы оценить место и значимость этих перемен для женского социального поведения в целом.

³⁸ Tovrov J. Mother-Child Relationships among the Russian Nobility // Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana: University of Illinois Press, 1978. P. 15-43; Tovrov J. *The Russian Noble Family: Structure and Change*. New York - London, 1987.

³⁹ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860-1930. Принстон, 1978.

⁴⁰ Engel B.A. *Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth-century Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 1983.

⁴¹ Ibid. P. VII

Для достижения указанной цели ставятся **следующие задачи:**

- изучить социально-правовой статус российской женщины второй половины XIX – начала XX в. с преимущественным вниманием к семейно-правовым отношениям, чтобы обнаружить динамику перемен;
- проанализировать идейный контекст формирования ценностных установок российских горожанок, образ идеальной семьи как желаемой и воспитываемой ценности в работах светских и церковных авторов второй половины XIX – начала XX в., чтобы определить степень влияния их идей на формирование аксиосферы образованных российских горожанок;
- исследовать возможности самореализации горожанок Москвы и С.-Петербурга в социально-экономических реалиях того времени, чтобы понять степень влияния внесемейных ценностных установок образованных женщин на эволюцию их аксиосферы;
- проанализировать влияние воспитания и образования на ценностную сферу горожанок в процессе их социализации, выявить новации в ней и мотивы новых жизненных ориентаций (на общественно-политическую активность в том числе);
- найти специфику в представлениях российских женщин о семье и семейных устоях, чтобы понять, насколько они были значимы для их жизненного мира и повседневно-бытовых практик;
- охарактеризовать проблему совмещения семейных обязанностей и самореализации женщины вне семьи, влияния этой проблемы на аксиосферу образованных женщин в том ее понимании, которое было явлено в общественных дебатах.

Источниковая база исследования представлена архивными и опубликованными памятниками, хранящимися в том числе в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ). Особое значение имела, в частности, работа с материалами текущего делопроизводства МВД (под его контролем работало Петербургское городское общественное управление⁴² и потому именно там можно найти личные дела петербургских городских голов и членов управы, дающие возможность проследить отношения женщин с центральной и местной властью).

Среди материалов в ГИМ представляет интерес Ф. 21 (переписка членов семьи Аршеневских-Стремоуховых с 1870 по 1913 гг., знакомство с которой позволило проанализировать отражение семейных вопросов в эго-документах) и Ф. 483 (документы А.И. Истоминой-Колпаковой, позволившие реконструировать повседневность служительницы сцены). Среди фондов ГА

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 139, оп. 1, д. 861; ЦГИА СПб. Ф. 792 Оп. 1 д. 7257; ЦГИА СПб. Ф. 792, Оп. 1 д. 10153 и др.

РФ самыми информативными были фонды с женскими эго-документами начала XX в., записными книжками (Ф. 715)⁴³.

Опубликованные источники можно разделить на несколько групп.

Нормативно-правовые – устанавливавшие нормы поведения женщин – позволяют очертить жизненный контекст представительниц средних и высших городских слоев, их социальную мобильность⁴⁴, оценить динамику социального статуса россиянок на рубеже XIX - XX в., проанализировать «Устав о паспортах» (1903-1909 гг.), закрепивший различия женщин в правах в зависимости от сословия, рода занятий, имущественного положения, национальности, закон «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений об отношении супругов между собой и к детям»⁴⁵. К той же группе отнесены нормативные акты православной церкви, касавшиеся семейно-брачных отношений⁴⁶, произведения церковных мыслителей⁴⁷, позволившие реконструировать «идеальный» женский тип.

Среди *ненормативных* источников важнейшие – *эго-документы* образованных горожанок⁴⁸ – письма, дневники, воспоминания, записки, они содержат важнейший материал для понимания их аксиосферы. В работе использованы также *периодические издания*: материалы подшивок 32 женских журналов, давшие возможность выявить наиболее проблемные составляющие «женского вопроса»⁴⁹.

Относящаяся к материалам СМИ *публицистика*, вышедшая из-под пера мужчин (писавших о *женском вопросе*) и женщин, касавшихся этой темы⁵⁰, показала различия во мнениях по женскому вопросу представителей разных социальных групп, политических убеждений, а также сравнить женский и мужской взгляды на тему эмансипации женщин, изменения их духовного мира. К той же группе *ненормативных* источников относятся и *статистические справочники*, использованные в работе. Даря читателю громадный количественный материал, они помогли проанализировать социальные практики, культурные нормы и поведение людей в их

⁴³ ГАРФ. Ф. 715, оп. 1, д. 2.

⁴⁴ Сборник законов, распоряжений и разъяснений о браке и разводе.. СПб., 1896; Законы о женщинах. СПб.: Изд. А. Канторовича, 1899; Гражданское уложение. Проект высочайше утвержденной редакционной комиссии. СПб.: Изд-во книж. магазина «Законоведение», 191.

⁴⁵ Законы гражданские // Свод законов Российской империи: в 16 т. Петроград, 1914. Т. 10, ч. 1.

⁴⁶ Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе. СПб.: Тип. СПб. Т-ва Печатн. и Издат. дела «Труд», 1909.

⁴⁷ Певцов В.Г. О семье. Мужьям о женах: чтение для народа. СПб.: Изд. Бар.Косинского, 1874; Богоявленский В.Н.. Социальная задача семьи. М.: Изд. Комиссии по устройству чтений для московских фабр. – завод. рабочих, 1906 и др.

⁴⁸ Белозерская Н. А. Автобиография // Ист. вестн. 1913. Т. 132, № 6; Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. М.: Искусство, 1968; Щепкина-Куперник Т.Л. Дни моей жизни. М.: Захаров, 2005.

⁴⁹ Друг женщины (1882-1884); Женское дело (1899-1916); Женская жизнь (1914-1916 и др.

⁵⁰ Дитрих М. Русская женщина великокняжеского времени. СПб., 1904; Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Светоч, 1909; Коллонтай А. Крест материнства // Современный мир. 1914. № 11. С. 42-54;

повседневной жизни⁵¹. К ним нами отнесен и труд Б. П. Кадомцева «Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года»⁵², в котором собран материал о женской профессиональной жизни на рубеже веков.

Художественная литература представлена произведениями авторов второй половины XIX – начала XX в., содержащими женские образы. Данная группа источников позволила сравнить женские литературные типы, созданные писателями и писательницами⁵³, поставить вопрос о влиянии художественной литературы на формирование ценностного мира «новой женщины».

Богатство и обширность источникового материала позволило заполнить лакуны в изучении повседневно-бытовых практик россиянок, поставив вопрос о взаимосвязи социально-экономических и общественно-политических процессов, происходивших в российском обществе на рубеже XIX-XX в. в соотношении с изменениями женского быта, не только найти перемены в общественном положении женщин, но и обнаруживать трансформации в представлениях женщин о желательных отношениях в браке и семье.

Методология исследования основана на различных концепциях, релевантных *историко-антропологическому исследованию духовной сферы* жизни образованных россиянок. Для осмысления собранного эмпирического материала были полезны, в частности, разработки марбургской и баденской философских школ. В. Вильденбанд⁵⁴ и Г. Риккерт⁵⁵ рассматривали ценности как особое основание, на котором строится человеческое бытие, позволяя понять человеческую природу и её место в мире. В исследовании учтены также идеи З. Фрейда⁵⁶ и К. Юнга⁵⁷, считавших, что изменчивость ценностных сфер в жизни каждого формируется под воздействием индивидуального и коллективного бессознательного. Их подход позволил считать ценности эволюционирующими, отражающими внутренние психологические процессы и социальные изменения. Из более приближенных к современности аксиологических исследований, важных для понимания места ценностей в повседневности использованы некоторые идеи Ж. Бодрийяра⁵⁸, показавшего, как именно ценности формируются и

⁵¹Статистический ежегодник России за 1904-1916 годы. СПб.; Пг.: ЦСК, 1905-1918; Статистический сборник за 1913-1917 гг. М., 1921. Т. 7. Вып. 1-2; Города России в 1910 году. СПб.: Типолит. Н.Л. Нарышкина, 1914 и др.

⁵² Кадомцев Б. П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года : Критико-статистический этюд / Б. П. Кадомцев. СПб., 1909.

⁵³ Степная барышня. Дача на Петергофской дороге. М.: Современник, 1986

⁵⁴Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм// Избранное: Пер. с нем. / РАН. ИНИОН. Лаб. теории и истории культуры. М.: ИНИОН, 1994

⁵⁵Риккерт Г. Ценности жизни и культурные ценности // ЭОН Альманах старой и новой культуры. Вып.1. М., 1994. С. 55–100.

⁵⁶Фрейд З. Психоаналитические этюды /сост. Д. И. Донской, В. Ф. Круглянский. Минск: Попурри, 2010.

⁵⁷ Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.

⁵⁸ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «ДОБРОСВЕТ», 2000.

трансформируются в зависимости от культурных и исторических контекстов, какую роль играет традиционное - нормы, убеждения и идеи – для развития культуры, социума и религиозной системы.

Велико значение применения подходов направления «истории женщин» к изучению аксиосферы образованных россиянок. Именно подходы исследователей женской истории заставили скрупулезнее изучать особенности женского дворянского быта во второй половине XIX – начале XX в., искать каналы формирования ценностной системы, зависимой от идейного и социального контекста, в котором женщины считались «вторым полом». Именно этот подход убедил в необходимости считать женщин активным действующим лицом перемен, принимающим участие в формировании новой ценностной системы в их повседневно-бытовых практиках.

Подходы *истории повседневности* позволяли выявлять влияние ценностных установок на бытовые поведенческие практики образованных горожанок, а *историко-сравнительный* – сопоставлять, как общество и культура определенного социального слоя и группы формировали и воспринимали социально-половые взаимодействия в сравнении с другими группами, находить универсалии, связанные с гендерными ролями и отношениями, замечать трансформации. Историко-сравнительный метод обеспечил углубленное понимание антропологии пола, позволив проанализировать сложные взаимодействия между социальными проявлениями половой принадлежности, культурой и историей⁵⁹.

Позаимствовав у *новой социальной истории* идею сочетания количественных методов и качественных приемов анализа, удалось обеспечить более объемное представление о том, как складывалось мироощущение образованных российских горожанок в начале XX века. Изучая особенности социального поведения выбранной социальной группы в составе женского населения России, мы старались включить в работу анализ семейных структур и групповых идентичностей⁶⁰, поставив во главу угла темы, связанные с женской системой ценностей.

Качественные методы исследования повседневной жизни женщин дали возможность глубже понять переживания, идентичности и повседневные практики в разных исторических контекстах, поэтому в данном исследовании применен *нарративный и контент-анализ*. Они позволили понять причины и истоки изменений в социальных конструкциях и социально-половых ролях⁶¹.

Рабочая гипотеза исследования. К 1870-м гг. женское движение в стране, активно обсуждавшее «женский вопрос», поставило перед

⁵⁹ Пушкарева Н.Л. Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 55-70.

⁶⁰ Macfarlane A. History, anthropology and the study of communities // Social history, 1977. № 5. P. 631-652.

⁶¹ Creswell John W. Research Design. Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. Los Angeles: SAGE, 2018. P. 255.

образованной частью общества проблему эмансипации женщин от предписаний старой этики⁶². Мы предположили, что образованные россиянки оставались в большинстве своем носительницами традиционной семьецентристской (поддерживаемой православием) системы ценностей, но при этом именно они оказались акторами инновационных изменений в нормативных и ценностных представлениях о роли женщины в обществе, позволив открыться новой странице истории россиянок. Процесс трансформации ценностных установок, первоначально ставший заметным в «столицах» и именно у образованной части общества, по нашему предположению, был акцептирован позже провинциальной Россией

Научная новизна выбранной темы определяется отсутствием комплексных исследований трансформаций ценностных установок социальных групп российских горожан во второй половине XIX-го - начале XX в. В российской и зарубежной историографии не предпринималось попыток выявить факторы, влиявшие на эволюцию жизненных ценностей женской части населения страны в указанное время, не ставился вопрос, насколько семьецентристским было мировоззрение образованных женщин, решивших менять жизненные траектории и искавших пути самостоятельной профессиональной реализации вне дома и семьи.

Научная и практическая значимость темы. Походы к изучению ценностных установок и представлений определенной социальной группы, предложенные в данной диссертационной работе, могут послужить основой для расширения методологического поля в дальнейшем изучении динамики социального статуса женщин, изменений семейных отношений, в современных поисках решения вопроса о балансе между самореализацией и ценностью соблюдения традиций, в том числе в личной, частной жизни женщин. В этом – практическая значимость и применимость осуществленного исследования. Его результаты могут быть учтены в институциональных механизмах, долгосрочных программах, направленных на улучшение положения женщин в стране при стремлении сохранить российские семейные традиции. Тема исследования имеет большой потенциал в силу своей социальной значимости и практической применимости.

Положения, выносимые на защиту.

1. Перемены в сферах труда, быта и образа жизни представительниц средних городских слоев в конце XIX - начале XX века в России были обусловлены множеством экономических, социальных и культурных изменений. Эти трансформации способствовали формированию нового общественного сознания и нового общественного быта, в котором активная роль женщин стала очевидна. Эта немалая часть образованных горожанок стала в начале XX века носительницей новой системы ценностей, участницей культурных и социальных процессов, затронувших и сферу семейных

⁶² Пушкарева Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» (у истоков феминизма в России) // Отечественная история. 2002. № 6. С.52-66.

отношений.

2. Образованные россиянки, оставаясь носительницами традиционных представлений о собственной ответственности за поддержание крепости семейных уз, постепенно вовлекались в модернизационные процессы, в которых шла кристаллизация новых ценностных ориентиров, связанных с преимуществами, которые дарила городская жизнь: новые возможности в получении образования и дальнейшей профессиональной самореализации вне рамок семьи.

3. Именно городская среда была тиглем, в котором сплавлялись новые и традиционные семейные роли, именно в этой общественной среде привычное и обыденное, основанное на патриархальных устоях, раньше, чем в иных социальных общностях, стало подвергаться пересмотру. Горожанки были той социальной группой, представительницы которой имели больше возможностей, чтобы понять и оценить свои права вне семьи, и это способствовало трансформации их системы ценностей.

4. Получившие образование, а с ним и доступ к новым профессиям, женщины решительно осваивали новые социальные роли, уже не сводившиеся только к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Эта новация стала важным фактором, способствующим изменению представлений о ценности брака и семейной жизни, поскольку в семьях, где супруга и мать работала, менялась структура домашней экономики (в ней появлялся дополнительный доход). Вместе с растущей самостоятельностью образованных замужних горожанок возникали новые идеалы: женщины размышляли о равенстве и партнерстве в браке, об общем вкладе в воспитание детей. Это становилось основой для формирования новых поведенческих установок: ориентации на равноправие в выборе брачного партнера и в дальнейшей семейной жизни (что могло вести к разрыву ценностей между поколениями).

5. Ставшая заметной общественной активность женщин, их самостоятельность в материальной сфере, расширение числа профессий, в которые оказывались включены лица женского пола, вызывала много критики со стороны консервативной части общества, прежде всего из числа православных деятелей. Проповеди и публикации церковных авторитетов привлекали внимание общества к теме недопустимости размывания прежних идеалов, акцентировали внимание на теме материнского долга и святости материнства, неоспоримости подчинения женщин «божественному порядку», который следовало считать нерушимым. Это создавало внутренний конфликт для образованных горожанок, особенно тех, кто совмещал профессиональную деятельность с семейными обязанностями.

6. Появление женских организаций, борьба за права женщин, доступ к образованию и профессиональной деятельности - все это стало важными шагами к переменам в понимании женщинами своего места в жизни, коррекция ценностных установок – стремлению совмещать профессиональную внедомашнюю активность и семейный долг, что положило начало формированию осознанных устремлений образованных

женщин в получении высшего образования, а следом за ним - профессиональной самореализации, к достижению успеха и признания в публичной сфере.

7. Проблема совмещения россиянками в начале XX века семейных обязанностей и самореализации сталкивалась с традиционной установкой православного воспитания – ориентацией на брачность, создание семьи. Одинокaя жизнь для образованной горожанки фертильного возраста в середине XIX в. была исключением.

8. В начале XX столетия ориентация на сингулярность стала заметнее, но оставалась все так же скорее исключением, нежели правилом. Причины тому были причины экономические: материально-обеспеченная жизнь замужних женщин была предпочтительнее, чем жизнь в одиночестве, что зачастую означало и более скромный достаток. Традиционные представления о том, что замужество как жизненная перспектива необходимо, о ценности семейной жизни для женщин продолжали оказывать существенное влияние на аксиосферу образованных горожанок.

Апробация результатов исследования. Основные выводы и результаты исследования апробированы в 13 публикациях (в том числе 6 из них индексированы в журналах из «белого списка» ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ), а также в докладах на 4 Международных научных конференциях Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) в Казани, Кишинёве, Костроме, Махачкале (2020-2024 гг.) и Международной научно-практической конференции «Женская активность: история и современность» (Махачкала, 2021).

Структура диссертационной работы определяется поставленными целью и исследовательскими задачами. Работа делится на введение, три главы (по три параграфа в каждой), заключение, список источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность и научная новизна исследования, раскрыта степень разработанности проблемы, определены объект и предмет, цель и задачи исследования, хронологические и географические рамки, проанализирована источниковая база, представлена методология и методы исследования, подчеркнута научно-практическая значимость работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, сведения об апробации и структуре работы.

Первая глава *«Ценностные установки о браке и семье в законодательстве и трудах церковных и общественных деятелей»* рассматривает исторический контекст формирования семейно-брачного законодательства, его роль в поддержании традиционных семейно-брачных установок. Анализируются, семейные ценности и образ идеальной семьи у церковных деятелей и светских авторов изучаемого периода.

В первом параграфе *«Семейно-брачные установки в законодательстве России второй половины XIX - начала XX в.»* изучены изменения в семейно-брачном законодательстве кон. XIX – нач. XX в., выявлено, как законодательные инициативы отражали изменения в общественном сознании и стремление к модернизации. На основании привлеченных источников показано, что социальное положение и права полов в семейно-брачных отношениях не были равными, учитывались вероисповедание, сословный статус и семейный статус отдельных лиц. При этом закон в целом защищал женщин, в особенности в области имущественных прав при условии статуса замужней женщины. Единственной законной формой брака считался брак церковный при соблюдении условий (минимальный и максимальный возраст, отсутствие близких степеней родства, согласие супругов и священника, обязательность родительского благословления).

Второй параграф *«Семейные ценности и образ идеальной семьи у церковных деятелей второй половины XIX – начала XX в.»* посвящён анализу взглядов церковных публицистов в России. Это был период острой борьбы идей, когда церковные мыслители и деятели сталкивались с вызовами модернизации, секуляризации и социальных противоречий. В результате этих дискуссий сформировался богатый ландшафт церковной публицистики, отражающий сложные процессы и конфликты в российском обществе. Аксиосфера социума, сформированная под влиянием церковных представлений, способствовала цементированию идеи женской социальной ответственности, однако она же парадоксальным образом оказалась продолжена в начале XX в. в сфере женского активизма, заставив образованных российских горожанок выполнять функции заботы не только в семье, но и в обществе.

В третьем параграфе *«Семейные ценности и образ семьи у светских авторов второй половины XIX – начала XX вв.»* анализируются полемика светских авторов по вопросу о семейных ценностях и образцовой семье. Доказано, что в эпоху глубоких социальных и культурных трансформаций, светские авторы живо откликнулись на перемены и включились в дискуссии о семье и браке. Традиционные устои, освященные веками, были подвергнуты переосмыслению под влиянием новых научных веяний, связанных со стремительной урбанизацией и запросом общества на профессиональные знания. Публицисты, журналисты, первые авторы научных трудов о семье и браке склонны были обсуждать семейные отношения как поле борьбы между долгом и чувством, традицией и новаторством, личным счастьем и общественными ожиданиями.

Вторая глава *«Перемены в сферах труда, быта и образе жизни представительниц средних городских слоев второй половины XIX - начале XX в. как факторы трансформации семейно-брачных установок»* характеризует влияние модернизационных процессов на рост активности женщин в общественной сфере. С использованием автодокументальных источников выявлены и проинтерпретированы факторы трансформации

семейно-брачных установок под влиянием исторических реалий изучаемого периода.

В параграфе 1. *«Социально-экономические факторы женского труда в контексте семейно-брачных установок»* отмечается, что развитие капитализма, науки и техники, завершение промышленного переворота, обусловили рост промышленности, городов, их населения и обеспечили качественно иной уровень жизни, расширили сферы применения женского труда. Женщины стремились работать по причине отсутствия иного источника финансирования, (дворянские хозяйства разорялись) и в связи с желанием самореализации во внедомашней сфере, надеясь обрести свободу через труд. Конфликт традиционных установок о том, как женщина должна мыслить собственную самореализацию, и новых реалий породил кризис: прежняя модель семейных отношений не отвечала задачам, встававшим перед обществом.

В параграфе 2. *«Установка на образование и профессию как новая женская повседневность жительниц Москвы и С.-Петербурга второй половины XIX - начала XX в.»* проанализирована роль образования в повышении профессиональной, а потому и социальной мобильности женщин. Увеличение числа учебных заведений, в том числе женских гимназий и высших женских курсов дало доступ женщинам к образованию, способствовало их интеллектуальному и культурному развитию. Но начать трудовую деятельность по специальности было непросто, инерция патриархального общественного мнения была сильна и аргументом против профессиональной активности женщин была как раз тема крепости семейных отношений в семьях с традиционным укладом.

В параграфе 3 *«Ориентация на общественно-политическую активность образованных горожанок жительниц Москвы и С.-Петербурга второй половины XIX - начала XX в.»* исследованы причины роста и формы общественно-политической активности образованных горожанок. Анализ периодической печати тех лет показал быстроту распространения идей женской внедомашней самостоятельности, готовность образованных россиянок к борьбе за свои права, созданию обществ, союзов, клубов, которые ставили своей целью защиту прав женщин и их интересов. Рост политического самосознания, активная общественная и благотворительная деятельность при либерализации политического режима в первые годы XX в. позволила женскому движению оформиться политически при том, что большинство активных участниц этого движения были замужними, имели семью, детей.

В третьей главе *«Изменение брачно-семейных ценностей в повседневности образованных российских горожанок второй половины XIX - начала XX в.»* рассматривается исторический контекст, в котором формировались новые представления о семейных ценностях образованных российских горожанок. Выделены и проанализированы факторы, влиявшие на изменения представлений о семейных ценностях в структурах повседневности образованных жительниц российских городов. Появление

новых идеалов, в том числе расчет на партнерские отношения в браке и совместное воспитание детей, стали основой для формирования новых моделей семейных отношений в России начала XX в.

В параграфе 1. *«Брак и семья в ценностных ориентациях столичных горожанок»* проанализирована эволюция представлений образованных горожанок о семейных ценностях. Доказано, что нравственные ценности – верность семье, детям, мужу, преданность и уважение к родителям – были высоко ценимы в образованных слоях общества. Брак рассматривался как социальный контракт, но личное влечение стало чаще упоминаться женщинами как имеющее существенное значение. Социокультурные представления российских женщин о семье и семейных устоях оказывались многослойными и подчас противоречивыми. Традиционные роли и представления о семье оставались доминирующими, но новые идеи о правовых и социальных правах женщин, связанные с разъяснением женских прав участницами женского движения, рост доступности образования способствовали переосмыслению роли женщины в семье. Новые взгляды оказывали значительное влияние на жизненный мир жительниц городов. Начался кризис патриархальных семейных устоев, но явление это коснулось лишь узкой социальной группы, так как традиционные семейные ценности по-прежнему доминировали. Именно в среде образованных столичных горожанок сформировался образ нового семейного партнерства, основанного на взаимодополнительности и формировавшемся большем равенстве возможностей женщин и мужчин.

В параграфе 2. *«Семейные роли и внутрисемейные отношения в повседневной жизни российских горожанок»* проанализированы семейные роли и внутрисемейные отношения российских горожанок, какими они описаны в автодокументальных текстах. Отмечено отсутствие инноваций в распределении обязанностей внутри семьи, в распределении ответственности за детей – при том, что городская среда, с её динамикой и разнообразием, уже предоставила женщинам возможности для внедомашней самореализации. Образованные женщины стали активнее участвовать в общественной жизни, что не мешало им мечтать о благополучной семье, воспитывать подрастающих детей. Именно эти образованные горожанки начали разрабатывать новые модели семейных отношений, учитывавшие личные и социальные интересы. Взаимоотношения между супругами постепенно становились более партнерскими, возникала необходимость в переосмыслении роли супруги только как хранительницы домашнего очага, в мужских текстах обнаруживается готовность воспринимать супругу как партнера, вносящего свой вклад в финансовое и эмоциональное благополучие семьи. Эти изменения вызывали общественные обсуждения, отражавшие неоднозначное отношение разных социальных групп к этой новации.

Параграф 3. *«Проблема совмещения семейных обязанностей и общественной самореализации в системе ценностей российских горожанок»* посвящён исследованию моделей поведения женщин при выборе между

семьей и профессиональной самореализацией. Традиционные семейные обязанности по-прежнему оставались значительным препятствием для внедомашней женской активности. Эта двойственность, когда женщина должна была одновременно исполнять роли жены, матери и работника, создавала внутренний конфликт, который требовал решения. Часть женщин выбирали безбрачие как стратегию, удобную для их профессиональных занятий и соответствующую их жизненным приоритетам. Другая часть - для того, чтобы совмещать карьеру и семью, делегировала обязанности по уходу за детьми и домом другим членам семьи, нанимала помощниц. Но основная часть образованных женщин вынуждена была довольствоваться выбором в пользу семьи, быть прежде всего женой и матерью.

В Заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

Комплексный анализ проповедей и публикаций церковных авторитетов, наравне со светскими авторами, размышлявшими над ценностными представлениями современников в отношении семьи и брака, введение в научный оборот значительного числа архивных документов позволило представить убедительную картину трансформаций ценностных установок образованных горожанок Москвы и С.-Петербурга во второй половине XIX - начале XX в.

В ходе исследования выделены некоторые устойчивые компоненты ценностных установок образованных женщин: стремление к познанию и саморазвитию, желание профессиональной самореализации, самостоятельности и независимости, убежденность в необходимости справедливости и равенства, эмпатии и уважения между членами семьи, ориентация на семейное единство как основную форму частной жизни.

Изучив особенности женского семейного быта, семейной и внедомашней повседневности удалось подтвердить высказанную гипотезу: образованные женщины, оставаясь носительницами традиционной системы ценностей, в которой нацеленность на заключение брака и семейную жизнь, занимали одно из важнейших мест, были в то время и активными участницами модернизационных процессов, формировали своим социальным поведением новые ценностные ориентиры. Процесс этот не был линейным. Его сопровождали глубокие противоречия между законодательными установлениями прежних времен и востребованностью новаций, общественными ожиданиями и личными устремлениями женщин. Использование историко-сравнительного метода в работе с актовым материалом и текстами художественной литературы, сопоставление данных законов, статистики, чтение женских дневниковых записей позволило наблюдать перемены в ценностном мире горожанок, следить за диалогом между традицией и модернизацией в историческом контексте

Во второй половине XIX – начале XX в. Российская империя переживала период бурного обновления, стремительной индустриализации; распространение новых идей бросало вызов устоявшимся порядкам, которые

государство и значительная часть общества стремились сохранить. Традиционные семейные ценности – ориентация на многодетность, уважение к главе семьи и старшим в доме, нравственная чистота и верность – воспитываемые веками русской православной традицией, влияли на сохранность норм права и играли, безусловно, важную роль в укреплении национальной идентичности. Основанное на православных догматах, семейное право также существенно влияло, поддерживая традиционные представления о браке как о нерасторжимом союзе, о главенствующей роли старшего мужчины в семье, об ответственности за воспитание подрастающего поколения. Проповеди и публикации церковных авторитетов влияли даже на самых эмансипированных представительниц городского населения, создавая внутренний конфликт для тех, кто совмещал профессиональную активность с семейными обязанностями. Аксиосфера, сформированная под влиянием православия, укреплялась идеей социальной ответственности перед подрастающим поколением, и она же парадоксальным образом продолжалась в сфере женского активизма, заставляя женщин выполнять быть заботливыми не только в семье, но и вне дома – занимаясь, например, благотворительностью.

Идея внутрисемейной ответственности друг за друга поддерживалась российским законодательством, которое защищало женщин и давало им определенные гарантии и в брачном союзе, и в случае вдовства или расторжения семейных уз. Однако на протяжении шести десятилетий XIX–XX вв. уверенность женщин в том, что их ответственность за сохранение семьи, ее устоев и традиций есть главное, а уже тем более единственное предназначение, стала медленно размываться. Даже церковные авторы вынужденно участвовали в обсуждении вопроса о равноправии супругов в семье, о роли не только матери, но и отца в воспитании, о необходимости учета интересов нового поколения молодежи, представительницы которого стремились к экономической независимости и самостоятельности.

Образ идеальной семьи как непреходящей ценности занимал центральное место в творчестве многих светских авторов второй половины XIX – начала XX века. В период бурных социальных перемен и переосмысления традиционных устоев семья представляла островком стабильности, нравственного ориентира и залогом счастья будущего общества. В сочинениях светских авторов материнство и супружество по-прежнему объявлялись главными жизненными ценностями женщины. Но образ идеальной матери претерпел изменения: в глазах современников идеальная мать – это уже не просто родительница, а образованная женщина, способная организовать домашнее обучение и воспитание своих детей, постоянно обновляющая свои педагогические представления и навыки.

Анализ и сопоставление разнообразных источников привели к выводу о том, что выход горожанок на рынок труда, большая доступность для них высшего образования и выбора профессии исподволь меняли картину семейных отношений в образованных социальных стратах, где все чаще можно было наблюдать почти равноправное распределение воспитательных

ролей, доверие и уважение друг к другу, гармоничные отношения между родственниками при сохранении ориентации на многодетность и желание женщин прожить с одним избранником всю жизнь. Растущая эгалитарность во внутрисемейных отношениях образованной и читающей публики Москвы и С.-Петербурга сопровождала живейшее стремление молодых женщин к высшему образованию. Получение его стало превращаться для представительниц данной социальной группы в значимую жизненную ценность, потребность, источник повышения интеллектуального уровня, средство для самореализации вне семьи.

Ценностные ориентации женщин в отношении образования и профессии определялись господствовавшей в обществе системой представлений, в которой женщина была прежде всего ответственна за воспитание. Даже консервативная часть общества не сильно препятствовала женщинам, вставшим на путь профессиональной педагогической деятельности, ведь социальные женские роли, сформированные под многовековым влиянием православия, направляли женскую активность прежде всего в сферу социальной заботы. Именно поэтому, помимо педагогической деятельности, профессионально состояться женщины могли еще и в сфере благотворительности, работы с обездоленными: создавали общества помощи бедным, сиротам и больным.

Особого внимания, в частности, заслуживает такая форма социальной активности, продолжавшая традиционную женскую семейную роль, как беседы (в том числе письменные), направленные на поддержание нравственных устоев. Желание передать представление о правильной и праведной жизни заставляло многих образованных женщин браться за перо. Об успешности женского творчества в этой области говорит рост числа писательниц, исследовательниц, культурных деятельниц, организовывавших лекции и выставки и способствовавших культурному развитию своего окружения. Сформированные под влиянием различных факторов (традиции, религия, социальный статус, образовательный уровень) представления о семье и семейных ценностях заставляли большинство россиянок считать главной для себя именно домашнюю сферу – ведение хозяйства, воспитание детей, поддержание семейных традиций.

Причин распространенности ориентации на традицию было немало. В начале XX в. женщины получили возможность профессионально состояться, но их рабочие места чаще всего были плохо оплачиваемыми и ненадежными, что ограничивало возможности для финансовой независимости. Многие соглашались трудиться на низкооплачиваемых должностях, что влияло на их самооценку и желание самореализации вне семьи. Ограничения, существовавшие в выборе профессии, заставляли женщин корректировать свои желания, направлять собственную активность на участие не в профессиональной, но в общественной жизни: организовывать кружки, благотворительные акции, заниматься литературной и художественной деятельностью.

И все же новации в стиле городской жизни меняли ценностный мир горожанок в обеих столицах. Тексты, написанные женщинами, свидетельствуют о трансформации их жизненных приоритетов. Прогрессивно мыслящие журналистки и писательницы понимали, что нужна ещё будет борьба за признание равных прав, неслучайно, начало XX века – это время бурного роста женского движения в крупных городах Российской империи, создания женских организаций и партий, которые занимались вопросами образования, здравоохранения и социальной защиты женщин. Россиянки и в начале XX в, не имели права голоса при выборах в местные думы и собрания, постоянно ограничивались в их инициативах. Вот почему деятельность женских организаций, подобных самому известному – Всероссийскому женскому взаимно-благотворительному обществу (1895) и созданной на волне высшего подъема революции Лиги равноправия женщин (1905), – демонстрирует специфику российского женского движения. В отличие от западного суфражизма, российские активистки фокусировались не столько на политических правах, сколько на прямом и непосредственном решении социальных проблем, на желании изменить не только и не столько законы, сколько свой образ жизни, свой быт, свою повседневность. Они ставили вопрос о доступе к высшему образованию, а с ним – к свободному выбору профессии впереди темы доступа к избирательным урнам, критиковали «торг женским телом» и лишь в последнюю очередь ставили вопрос о гражданских правах.

Документы личного происхождения – в особенности, относящиеся к периоду после событий 1905-1907 гг., столь явно давших голос женским союзам, – убедили, однако, что (несмотря на все новые перспективы и возможности общественного участия) традиционные представления о семейной роли женщины как роли определяющей продолжали формировать жизненные устремления основной массы жительниц двух столиц. Идеальная семья воспринималась по-прежнему как нечто стабильное, с главенствующей ролью мужчины. Ценности православного воспитания – верность семье, детям, супругу, преданность и уважение к родителям – были высоко ценимы во всех слоях общества.

Отдельные яркие женские личности постоянно соотносили личные амбиции и устремления с идеями долженствования, собственного понимания пределов своей далеко не полной и потому условной «свободы» от этических, традиционных, а порой и моральных предписаний. Идея равенства полов рождала убежденность в праве шире и активнее участвовать в общественной жизни. Она охватывала все более значительные массы образованной части средних городских слоев, что, в свою очередь, влияло на представления о семье. Рождалась убежденность в том, что семья – это равноправный союз, основанный на взаимной поддержке и партнерстве.

Историко-антропологический анализ истории российской повседневности образованных горожанок в течение почти трех четвертей века убедил, однако, в том, что семейные устои оставались мало поколебленными. Как один из основных социальных институтов, на который

опиралось общество, семья обеспечивала высокий уровень рождаемости (и не только в деревнях). Высокий показатель детности российских семей объяснялся культурными традициями, расчетом на защиту и обеспечение в старости со стороны выросших и профессионально занятых детей. Большинство семей оставалось многодетными. Многодетность, как показало наше исследование, оставалось социальной нормой и обычаем.

Семейные ценности (уважение к старшим, единство членов семьи, их стремление поддерживать друг друга) способствовали стабильности российской городской семейной организации. Выживать в одиночку (женщине – тем более) было труднее, чем в составе семьи, которая рассматривалась как основа благосостояния отдельного человека и его рода в целом. Практически все важные события (помолвки, свадьбы, рождение детей, уход родственников из жизни) были связаны именно с семейными традициями. Семья оставалась центральным структурообразующим элементом женской жизни, носила значимый воспитательный и экономический характер. Столичным горожанкам несмотря на внесемейные амбиции, было привычнее находить удовлетворение в роли матерей и воспитателей.

Воспитание детей оставалось одной из главных женских обязанностей, и многие женщины испытывали радость от участия в жизни своих детей, в их образовании и становлении. Это не исключало внутреннего конфликта – желания заниматься, помимо семейных дел, творчеством и карьерой, часто пытались объяснить самим себе, что при всех возможностях, которые открылись перед ними, они вынуждены соответствовать ожиданиям родных, близких, социального окружения. Накопительный эффект факторам эмансипации женщин обеспечивало утверждение системы женского образования, рост трудовой занятости женщин в сфере услуг, но также и промышленного производства, здравоохранения, образования.

Динамика ценностных установок в отношении семейной жизни у образованных горожанок Москвы и С.-Петербурга была теснейшим образом связана с ростом значения женского труда в экономической жизни общества, усилением финансовой независимости от мужчин в семье, укреплением самосознания – понимания себя цельной личностью, у которой есть собственные желания, потребности, цели.

Несоответствие нового статуса женщины в обществе и устоявшегося общественного мнения о её месте и правах (с опорой на консервативное законодательство), приводили к тому, что все большее число женщин готовы были если не действовать, то хотя бы обсуждать свои права. Размывание прежних патриархальных устоев семьи происходило медленно, касалось достаточно узкой социальной группы, но оно шло.

Проблема обязательности выбора между семьёй и профессиональным трудом, успешности в нем вызывала у многих образованных россиянок чувство вины и неудовлетворённости. Размышлявшие об этом прогрессивно мыслящие деятели российской общественной мысли понимали, что для комплексного решения дилеммы нужны изменения – и не только в

законодательстве (в направлении расширения имущественных прав и защищенности женщин), но и в сфере духовной жизни. Определенная, но растущая (хотя все еще незначительная) часть образованных горожанок выбирала безбрачие как стратегию, позволявшую им реализоваться в профессиональном плане, или откладывали создание семьи на более поздней срок, необходимость перемен становилась все очевиднее.

При этом одинокая жизнь для образованной горожанки фертильного возраста во второй половине XIX в. была просто исключением, а в начале XX в. – скорее исключением, нежели правилом. Экономическими причинами обуславливалась лучшая, более материально-обеспеченная жизнь замужних женщин в сравнении с одиночками. Традиционные представления о ценности семейной жизни для женщин и о том, что замужество как жизненная перспектива необходимо, продолжали оказывать существенное влияние на их жизнь.

Семейные ценности – при всех влияниях, воздействиях и трансформациях в политике, экономике и культуре – оставались до революционных потрясений 1917 года крепким фундаментом государства в целом и женской его части в частности. Это обеспечивало социальную стабильность и сохраняло культурное богатство России, несмотря ни на какие структурные изменения в обществе и модные идеологические веяния. Изменения, произошедшие в жизни женщин в изучаемый период и прослеженными нами в данном историко-антропологическом исследовании, были важным шагом на пути к признанию обществом равных прав обоих полов и формированию нового образа жизни, основанного на взаимоподдержке и взаимопомощи.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Женский вопрос в философской мысли России и Китая в начале XX века // Человеческий капитал. № 10, с. 21-32, 2018. (в соавт. С Лобовой А.А.).
2. Женский вопрос в России на рубеже XIX-XX вв.: социальный, правовой и психологический аспекты // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 5 (74). С. 1587-1597.
3. Девица-ученица и женщина-учитель: образование в России в конце XIX - начале XX веков // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2023. № 2. С. 119-130. (в соавт. с Парамоновой А.А.)
4. Дневники М.Л. Казем-Бек как источник по истории повседневной жизни образованной горожанки конца XIX – начала XX в. // Вестник антропологии. 2025. № 1. С. 189–199.
5. Профессиональное и семейное в повседневности русской художницы второй половины XIX - начала XX в. // История повседневности. 2025. № 1 (33). С. 43-61. (в соавт. с Пушкаревой Н.Л.)

6. Семейные ценности и идеальный образ материнства в трудах церковных мыслителей России второй половины XIX – начала XX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия история. 2026 N 2 С. 25-32.
7. Book Review: Merchants, noblewomen, magnates: Women entrepreneurs in Russia of the 19th century // Journal of International Women's Studies. 2022. Vol. 23: Iss. 4, Article 10. (индексировано также в Scopus Q2).
Публикации в других научных изданиях:
1. Растим ребёнка вместе: история, психология, современный опыт воспитания детей. М.: Серебряные нити, 2023. 172 с. (в соавт. с Тумановой М., Парамоновой А.)
2. Женский вопрос в России нач. XX века в отечественной историографии // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем /Отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. В 3-х т. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 1. С. 118-121.
3. Вклад княгини Тенишевой в сохранении народной культуры в русской деревне //Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков / Отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. В 2-х т. М.-Нижний Новгород: ИЭА РАН, 2018. Т. 2. С. 326-328.
4. Роль благотворительных организаций в жизни русских эмигранток в Шанхае // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание, серия Материалы XIII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, место издания ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2020. Т. 2. С. 253-257.
5. Труды В.В. Розанова как источник по истории «женского вопроса» в России начала XX в // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы. Материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кишинев, 30 сент. – 3 окт. 2021 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко. В 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2021. Т. 1. С. 219-223.
6. Женщина и образование в России на рубеже XIX- XX вв. //Женская активность: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2021. С. 244-248.
7. Переписка О.Л. Книппер – М.П. Чеховой как источник по истории женской повседневности конца XIX – начала XX в //Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении. Материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Кострома, 5–8 окт. 2023 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва; сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2023 Ч. 1. С. 125-127.
8. Карьера и семейный быт русской художницы второй половины XIX – начала XX в. // «Женское наследие в культурах народов России и мира». Материалы XVII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА

РАН. Махачкала, 26–29 сентября 2024 г. / отв. ред. проф. Н.Л. Пушкарева; ред. проф. О.С. Мутиева, проф. Н.Н. Гарунова; сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2-х ч. М.: ИЭА РАН, 2024. Ч. 2. С. 23-27. (в соавт. с Базоян Д.А.)